

# Рецепция западного либерального проекта и опыт постсоветской модерности в России

Юлия  
ПРОЗОРОВА

**Р**аспад Советского Союза и поражение коммунистического проекта как главной альтернативы западной модерности не привели к «концу истории» на глобальной арене, реализации оптимистичных сценариев транзита и ожидаемой конвергенции России с Западом – культурно-институциональные формы постсоветской модерности существенно отличаются от западного прототипа. Постсоветские ассимиляции в России идей, практик и институциональных форм либеральной модерности породили различные оценки и локальные интерпретации западного проекта, а также способствовали артикуляции собственных оснований и принципов модернизации. С позиций теории множественных модерностей в статье исследуется интеллектуальная реакция и рецепция западного проекта либеральной демократии в российском политическом дискурсе, которые отражают установки и конституируют опыт постсоветской модерности в России. Данный подход позволяет выйти за пределы анализа постсоветской модернизации в терминах аберрации и отклонения от нормативной западной модели.



*Юлия Александровна Прозорова (р. 1980) – социолог, старший научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург); приглашенный исследователь Jordan Center for the Advanced Study of Russia Нью-Йоркского университета.*

**КУЛЬТУРА  
(МОДЕРНОЙ)  
ПОЛИТИКИ**

## МОДЕРНИЗАЦИЯ И МНОЖЕСТВЕННЫЕ МОДЕРНОСТИ

Становление теории множественных модерностей происходило в контексте критической дискуссии с внеисторическими, редукционистскими и детерминистскими объяснениями модернизации, социальным телеологизмом, представлением об универсальности траектории развития современных обществ и их неизбежном единообразии посредством вестернизации. В фокусе теоретизирования – многообразие реакций и ответов на западный либеральный проект и универсалистские дискурсивные парадигмы, амбивалентность трактовок, разнообразие опыта, программ и версий модерности. Возникновение и институционализация последних не может быть полностью детерминирована логикой конвергенции, зависимостью от предшествующего пути развития, влиянием внеисторических традиционных структур, институциональных матриц или «культурного кода». Идеи исторической контингентности, дисконтинуальности, креативности действия, открытости будущего, неопределенности и непредопределенности развития обществ противопоставлены эволюционистским и структуралистским концепциям<sup>1</sup>. Культура рассматривается как автономное пространство смыслов, способное породить противоречивые и амбивалентные культурные установки, множественные интерпретации, новые институциональные формы и конкурирующие программы социального устройства. Культурное, креативное, воображаемое составляют неотъемлемое измерение институтов; возникновение новых институциональных структур и конфигураций тесно связано с артикуляцией «воображаемых значений»<sup>2</sup>.

Ключевыми характеристиками, составляющими «культурную программу», или «проблематиками» модерности признаются: представление о неопределенности онтологических принципов и оснований социального и политического порядков; концепция недетерминированного будущего, открытого для различных сценариев онтологической реальности; возрастающая рефлексивность, связанная с концепцией активного действия, эмансипации и автономности индивида в овладении природой, управлении и преобразовании социального порядка; приоритет разума и рациональности; критический дискурс; вера в прогресс; «натурализация» космоса, человека и общества и так далее<sup>3</sup>. Политическая программа современности в ее запад-

1 KNOWL W. *Contingency and Modernity in the Thought of J.P. Arnason* // *European Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 14. № 1. P. 9–22.

2 КАСТОРИАДИС К. *Воображаемое установление общества*. М.: Гнозис; Логос, 2003.

3 EISENSTADT S.N. *Modernity and the Construction of Collective Identities* // *International Journal of Comparative Sociology*. 1998. Vol. 39. № 1. P. 139; ИДЕМ. *Multiple Modernities* // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. № 1. P. 1–29;

ном варианте характеризуется отказом от традиционных легитимаций политического порядка, открытостью и доступностью политической арены, размыванием границ и различий между центром и периферией, концепциями эмансипации человека (с темами протеста, равенства и свободы, справедливости и автономии, солидарности и идентичности), политизацией, конкуренцией определений политической сферы<sup>4</sup>, «дезинкорпорацией» власти<sup>5</sup>. С модерными установками связано появление новых оснований коллективных идентичностей.

Особую роль в формировании множественных модерностей играет реакция современных обществ на западный либеральный проект и его институциональный паттерн. Теория множественных модерностей постулирует, что «модерность и вестернизация не идентичны» и что «западные паттерны модерности не являются ее единственным “аутентичным” вариантом»<sup>6</sup>. Тем не менее впервые артикулированные на Западе культурная и политическая программы модерности представляют собой важнейший, хотя и неоднозначный ориентир для других современных обществ.

Амбивалентность самой модерности предполагает, что рецепция западного модерна допускает выборочную адаптацию и различные интерпретации его ключевых компонентов в модернизирующемся обществе с его собственным историческим опытом, культурными традициями и институциональными установками. Множественные модерности не являются как воплощением продолжающихся моделей (например цивилизационных), так и сугубо внутренних вариантов радикально новых паттернов<sup>7</sup>. Взаимодействия Запада с остальным миром следует рассматривать не с позиций вестернизации, диффузии технологий, стандартов жизни и так далее, но как «глобальную проекцию проблематики, которая остается открытой для конфликтных интерпретаций в ее исходном западном контексте и допускает более или менее оригинальные альтернативные трактовки в незападной среде»<sup>8</sup>.

Мультиинтерпретативность является имманентным качеством самой модерности – присущие ей семантическая открытость, внутренняя противоречивость допускают разнообразие

**ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА**

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ

ИДЕМ. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2003. P. 33–56;  
ИДЕМ. *Modernity and Modernization* // Sociopedia.isa. 2010 ([www.isaportal.org/resources/resource/modernity-and-modernization/download](http://www.isaportal.org/resources/resource/modernity-and-modernization/download)).

**4** ИДЕМ. *Multiple Modernities*; ЭЙЗЕНШТАДТ Ш. *Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость* // Полис. 2002. № 2. С. 67–81.

**5** ЛЕФОР К. *Политические очерки (XIX–XX века)*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 26–27.

**6** EISENSTADT S.N. *Multiple Modernities*. P. 2–3.

**7** ARNASON J.P. *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways, and Mutations*. Lanham: Lanham, Rowman & Littlefield, 2020. P. 9.

**8** ИДЕМ. *Understanding Intercivilizational Encounters* // Thesis Eleven. 2006. Vol. 86. № 1. P. 51–53.



ответов на ее проблематики. Антиномии модерности порождают различные идеологические проекты и программы институционального устройства, отражающие расхождения между универсалистским подходом и территориально-партикулярными основаниями коллективов и общностей, между космополитизмом и локализмом, тотализирующей идеологией и партикуляристской концепцией индивидуально-групповых интересов, процедурным и субстантивным принципами легитимации современных режимов, универсализирующими и плюральными ориентациями, конфронтацию между современными и традиционными сферами и установками общества, индивидуалистическими и коллективистскими интерпретациями, рационалистическими и антирационалистическими ориентациями<sup>9</sup>.

**Ключевыми характеристиками модерности признаются: представление о неопределенности онтологических принципов и оснований социального и политического порядков; концепция недетерминированного будущего, открытого для различных сценариев онтологической реальности.**

Судипта Кавирадж отмечает, что современные общества постоянно создают новые формы и основания коллективного действия и выражения коллективной воли, а стремление к рационализации предполагает осмысление и анализ открытых для обществ возможностей и ресурсов формирования и организации актуальных структур. Поскольку «рекурсивная рациональность» находится в центре современных институциональных форм и исходные условия модерности в обществах различны, то прямое копирование западного опыта, который «не универсально привлекателен», фактически невозможно<sup>10</sup>.

Тезис о рекурсивной рациональности и специфике рефлексивности в современных обществах созвучен представлениям о роли самопонимания общества и интерпретативного фактора в исторической динамике обществ и происхождении множественных форм модерности<sup>11</sup>. Постоянно возникающие новые представления о наиболее адекватных путях раз-

**9** ЭЙЗЕНШТАДТ Ш. *Указ. соч.*; EISENSTADT S.N. *Modernity and the Construction of Collective Identities*; IDEM. *Multiple Modernities*; ARNASON J.P. *Civilizational Analysis, Social Theory and Comparative History* // DELANTY G. (Ed.). *Handbook of Contemporary European Social Theory*. London; New York: Routledge, 2006. P. 233.

**10** KAVIRAJ S. *Modernity and Politics in India* // Daedalus. 2000. Vol. 129. № 1. P. 141.

**11** WAGNER P. *Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology* // Thesis Eleven. 2010. № 100. P. 53–60; IDEM. *From Interpretation to Civilization – and Back: Analyzing the Trajectories of Non-European Modernities* // European Journal of Social Theory. 2011. Vol. 14. № 1. P. 89–106.

вития и реформирования общества, формулы коллективной идентичности, оценки исторического прошлого и релевантности западного опыта и так далее являются примерами социальной саморефлексии и самопонимания. Кроме того, сами фундаментальные понятия «свобода», «прогресс» и «демократия» допускают смысловые новации и могут быть предметом различных интерпретаций (например индивидуальная/коллективная, негативная/позитивная свобода)<sup>12</sup>.

Множественные модерности представлены как «оригинальными» западными версиями, так и альтернативными им тоталитарными моделями – фашизмом и коммунизмом (советским и китайским)<sup>13</sup>. Советский коммунистический проект возник как критическая реакция и альтернатива западной модерности – капитализму, классовому устройству, буржуазному государству и буржуазной демократии, как проект нового общества и нового человека, в котором иначе решались вопросы коллективной автономии и самоустановления, впервые поставленные либерализмом. Дореволюционная и советская модернизации в России имманентно связаны с переосмыслением западной модерности и реакцией на нее. Российский опыт постсоветской модерности является следствием неудачи советского антизападного проекта и попыткой реализации программы западной модерности, что задает его неоднозначность и проблемность, оставляет открытым вопрос о влиянии структур и наследии коммунистической модерности в современной России.

Постсоветская модернизация, с ее изначальной интенцией демократизации и либерализации, явилась актом коллективной эмансипации и автономии, проектом радикального переустройства российского общества и созданием порядка, основанного на новых социетальных принципах. В этом проекте отвергалась прежняя советская гетерономия, утверждался принцип открытости и неопределенности будущего, самоопределении общества и допустимости реализации новой программы социального переустройства, поскольку источник креативности и агент этих преобразований находится *внутри* общества. Эти новые принципы современного устройства, и, в частности, демократия как форма политической модерности, предполагают открытость дискурса и допустимость конфликтных интерпретаций проектов социального устройства. Демократи-

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ

**12** BLOKKER P. *Modernity and Its Varieties. A Historical Sociological Analysis of the Romanian Modern Experience*. Unpublished PhD dissertation. Florence: European University Institute, 2004. P. 69.

**13** О коммунистической, советской модели как альтернативной модерности см.: АРНАСОН Й.П. *Коммунизм и модерн* // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–31; Он же. *Советская модель как форма глобализации* // Неприкосновенный запас. 2013. № 4(90). С. 53–76; ARNASON J.P. *The Labyrinth of Modernity...*; DAVID-FOX M. *Crossing Borders, Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2015. P. 21–47.



ческое общество «историческое» *par excellence*, поскольку сохраняет в себе неопределенность<sup>14</sup>, создает пространство саморефлексии и интеллектуальной креативности, артикуляции новых идей, форм ассоциаций и реализации новых проектов посредством политики. Демократия является процессом самоустановления общества, поиска им «идеологического суверенитета»<sup>15</sup> и метарежимом постоянного переосмысления своих онтологических оснований. В этом фундаментальное отличие демократической автономии от гетерономии коммунистического проекта, обусловленной идеологической закрытостью исторического материализма и экстрасоциальными по отношению к обществу законами общественного развития, партийной «монополией на интерпретацию»<sup>16</sup> и «идеологической эксплуатацией марксизма»<sup>17</sup>. Демократия не может быть гомогенной и сингулярной, ограниченной единственной и финальной версией, а открыта новым интерпретациям и допускает плюральность форм, «множественных демократий»<sup>18</sup>. В этом смысле демократизация не означает лишь воспроизводство заимствованных институциональной форм западной модерности, но предполагает реакцию на них, адаптацию и креативное осмысление через агентность, дискурсы, интерпретации<sup>19</sup>. Однако интерпретации и версии демократии, предусмотренные самой природой открытости этой политической формы, не идентичны возникающим посткоммунистическим концепциям демократий как идеологическим эпифеноменам авторитарных и недемократических режимов, в которых не реализуется принцип автономии. Вместе с тем анализ использования атрибутов либерального проекта в программах модернизации подобных режимов необходим для понимания опыта посткоммунистической модерности.

**14** ЛЕФОР К. Указ. соч. С. 24.

**15** CASTORIADIS C. *Democracy as Procedure and Democracy as Regime* // *Constellations*. 1997. Vol. 4. № 1. P. 10; DOYLE N. *Democracy as Socio-Cultural Project of Individual and Collective Sovereignty: Claude Lefort, Marcel Gauchet and the French Debate on Modern Autonomy* // *Thesis Eleven*. 2003. Vol. 75. № 1. P. 69–95.

**16** ARON R. *Democracy and Totalitarianism*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1968. P. 168.

**17** LEFORT C. *Complications Communism and the Dilemmas of Democracy*. New York: Columbia University Press, 2007. P. 84.

**18** ЭЙЗЕНШТАДТ Ш. Указ. соч.; БЛОККЕР P. *Multiple Democracies: Political Cultures and Democratic Variety in Post-Enlargement Europe* // *Contemporary Politics*. 2008. Vol. 14. № 2. P. 161–178.

**19** Именно открытость и свобода дискурса исторически играли ключевую роль в формировании культурных принципов, институтов и практик европейского модерна – рационализации, рефлексивности, науки, публичной сферы, прав человека, свободы слова, политической конкуренции и т.д. (HUFF T.E. *The Rise of Early Modern Science Islam, China, and the West*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; ИДЕМ. *Europe as a Civilization: The Revolution of the Middle Ages & The Rise of the Universities* // *Comparative Civilizations Review*. 2013. Vol. 69. P. 65–86).

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОДЕРНОСТИ

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ

Идеи и модели доминирующих оригинальных проектов модерности не просто заимствуются и воспроизводятся, но контекстуально (ре)интерпретируются и адаптируются, инспирируя производство новых смыслов в обществах-реципиентах с их собственными локальными дискурсами, интеллектуальными традициями, когнитивными установками, цивилизационными структурами<sup>20</sup> и прочим. Распространение и проникновение модерности происходит и посредством реакции на транснациональные дискурсивные парадигмы, например, неолиберализм. Они формируют важный интеллектуальный ориентир для программ модернизации и представляют позиции, стимулирующие партикуляристские дискурсы (например национализм) и традиционалистские реакции<sup>21</sup>. Идейная динамика внешнего и локального представляет собой интерпретативно-дискурсивное измерение межцивилизационных и интерсоциетальных взаимодействий.

**Постсоветская модернизация, с ее изначальной интенцией демократизации и либерализации, явилась актом коллективной эмансипации и автономии. В этом проекте отвергалась прежняя советская гетерономия, утверждался принцип открытости и неопределенности будущего.**

Множество агентов – политики, интеллектуалы, социальные активисты, религиозные деятели – формулируют различные и противоречивые установки и концепции развития российского общества в посткоммунистический период, которые могут резонировать с культурными предпосылками и принципами политико-экономических моделей западного проекта современного общества. Особую роль в процессе модернизации всегда играют политические элиты ввиду близости к политическому центру принятия решений, коммуникативным аренам, ресурсам власти и инструментам институционализации, а также культурная элита и интеллектуалы, которые продуцируют новые смыслы и легитимирующие концепции. Позиции

**20** Прозорова Ю.А. *Постсоветские трансформации в России: цивилизационно-аналитический подход* // Неприкосновенный запас. 2014. № 6(98). С. 56–67; Браславский Р.Г., Масловский М.В. *Цивилизационный анализ и советский модерн* // Неприкосновенный запас. 2014. № 6(98). С. 45–55.

**21** Блоккер Р. *Modernity and Its Varieties...* Р. 60–62.



представителей власти и государственных институтов по вопросам модернизации и устройства постсоветского общества, его принципов, символов, ключевых идей, а также понимание и оценки западного проекта либеральной демократии конституируют идеологический и институциональный профиль современного российского общества. Политический дискурс власти содержит оценки и мнения об исторических проблемах и дилеммах, основаниях и характере российской цивилизационной идентичности и так далее. Ввиду ограниченного объема данной статьи мы сфокусируемся преимущественно на дискурсе властной элиты.

Как и в ряде других посткоммунистических обществ, в российском политическом дискурсе сформировались два интерпретативных направления в понимании постсоветской модернизации: прозападное, универсалистское, и партикуляристское, акцентирующее локальные, самобытные, традиционные основания модернизации<sup>22</sup>. Восприятие и отношение к западному проекту в первые постсоветские годы было сформировано идеями, высказанными в перестроечный период. Спецификой универсалистских и партикуляристских дискурсов о направлениях постсоветской модернизации, релевантности западной модели либеральной демократии и оценки перспектив ее ассимиляции в постсоветской России является их содержательная взаимосвязь с цивилизационным дискурсом и доминирующими репрезентациями российской цивилизационной идентичности, которые вместе формируют фреймы социального «самопонимания»<sup>23</sup>.

Возрождение цивилизационного дискурса произошло в период перестройки с характерной для ее дискурса переоценкой западного капитализма и начавшейся критической ревизией советского проекта. Ключевую роль в политическом дискурсе 1980-х играли парадигма «нового политического мышления» и концепция «общего европейского дома»<sup>24</sup>. К концу 1980-х возможность учреждения в СССР институтов западной капиталистической модели допускалась в высших эшелонах власти. С этого периода и в течение первых постсоветских лет доминировала идея универсальной значимости западной либеральной модели. Признав необходимость модернизации по западному

**22** Постсоветский либеральный дискурс тоже не является гомогенным, в нем выделяются радикально-монистический и умеренно-плюралистические направления (СНЕВАНКОВА Е. *Contemporary Russian Liberalism* // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30. № 5. P. 341–369).

**23** NEUMANN I. *Russia and the Idea of Europe: Identity and International Relations*. London: Routledge, 1996; ПРОЗОРОВА Ю.А. *Political Discourse of Civilizational Identity in Russia: Perestroika and Post-Soviet Period* // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XVI. № 6. С. 131–146; МАСЛОВСКИЙ М. *Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности* // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6. № 1. С. 15–31.

**24** ГОРБАЧЕВ М.С. *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*. М.: Политиздат, 1988.



образцу, Россия признала «возвращение в лоно цивилизации». После распада СССР сценарий интеграции России в европейское «сообщество цивилизованных стран» вышел на первый план.

В Конституции 1993 года Россия определяется как «демократическое федеральное конституционное социальное и секюлярное государство». «Демократическое государство» не претендовало на всеохватывающий контроль, а понималось как комплекс институтов для реализации прежде всего негативных прав и индивидуальных свобод граждан, что было безусловной либеральной новацией по сравнению с советским периодом: «его силовые атрибуты нужны не для самоутверждения власти, а для того, чтобы любой человек был защищен от всякого произвола и насилия, ощущал свое достоинство, выступал как полноправный партнер государства»<sup>25</sup>.

Послания президента Бориса Ельцина Федеральному Собранию 1994–1999 годов содержат заявления о стремлении России к цивилизации в ее западноевропейском варианте и необходимость развития цивилизационных институтов и практик – рыночной экономики, приоритета закона, гражданского общества, частной собственности и так далее:

«Начато формирование политической системы, отвечающей всем главным критериям, выработанным современной цивилизацией: обеспечение прав и свобод личности, многообразии форм собственности и видов хозяйственной деятельности, разделение властей, многопартийность, свобода печати и информации. Идет кропотливый процесс создания рыночной экономики и гражданского общества, строятся федеративные отношения, возрождается местное самоуправление»<sup>26</sup>.

Либеральная версия модерности рассматривалась как альтернативная для России:

«Альтернативой демократии могут стать либо хаос и анархия, либо диктатура. [...] И то и другое неизбежно вернут к самоизоляции. Это отбросит Россию на обочину развития цивилизации, приведет к ее безнадежному отставанию. [...] Но и]дя по общему пути развития цивилизации, каждая страна проходит его по-своему»<sup>27</sup>.

Президентство Ельцина завершилось посланием «Россия на рубеже эпох», в котором он заключил, что выбор рыночной экономики, который Россия сделала в 1991 году, «был и оста-

**25** Ельцин Б.Н. *Послание Президента Федеральному Собранию 24 февраля 1994 года* ([www.intelros.ru/strategy/gos\\_rf/psl\\_prezident\\_rf\\_old/58-poslanija\\_prezidenta\\_rossii\\_borisa\\_elcina\\_federalnomu\\_sobraniju\\_rf\\_1994\\_god.html](http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/psl_prezident_rf_old/58-poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html)).

**26** Он же. *Послание Президента Федеральному Собранию 26 февраля 1996 года* ([www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie\\_prezidenta\\_rossii\\_borisa\\_elcina\\_federalnomu\\_sobraniju\\_rf\\_rossija\\_za\\_kotoruju\\_my\\_v\\_otvete\\_1996\\_god.html](http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_za_kotoruju_my_v_otvete_1996_god.html)).

**27** Там же.

**ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА**

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ



ется правильным» и «другого пути у нас нет»<sup>28</sup>. Программная статья Владимира Путина «Россия на рубеже тысячелетий» (1999) продолжила этот нарратив: Россия «вышла на магистральный путь, которым идет все человечество» и которому нет альтернативы, а советский опыт был признан «тупиком»<sup>29</sup>. Подчеркивалась близкая связь России с Западом – эта позиция оправдывала заимствование у Запада «универсальных экономических механизмов и демократии». Начиная с середины 2000-х модернизация становится одной из ключевых идеологием политической программы правительства, понимаемой в универсалистской перспективе.

В середине 1990-х озвучивается партикуляристская позиция, Россия позиционируется как особая цивилизация, этот дискурсивный регистр сосуществовал с программой вестернизации, прозападным либеральным дискурсом и идеей возвращения к цивилизации. Хотя Ельцин и признал, что Россия является «неотъемлемой частью цивилизованного мира», он подчеркнул, что она «хранит верность своим традиционным ценностям»<sup>30</sup>. Идея российской цивилизационной уникальности продолжила свое развитие и радикализировалась во второй половине 2000-х, когда была сформулирована внешнеполитическая концепция многополярной глобальной политической архитектуры и «многообразия современного мира, которое отражает его самую фундаментальную характеристику – культурное и цивилизационное разнообразие»<sup>31</sup>. «Поддержание культурного и цивилизационного разнообразия современного мира и развитие межцивилизационного партнерства» признавалось главной миссией России на мировой арене. Утверждалось, что глобальная конкуренция обретает цивилизационное измерение<sup>32</sup>.

Важным элементом этого цивилизационного дискурса стало определение России как государства-цивилизации, которое, в отличие от конвенционального концепта государства-нации, акцентирует цивилизационное своеобразие России, ее полиэтничное, поликонфессиональное и мультикультурное устройство, «скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой»<sup>33</sup>. Дискуссии о цивилизационной самобыт-

**28** Он же. *Послание Президента Федеральному Собранию «Россия на рубеже эпох» 30 марта 1999 года* ([www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie\\_prezidenta\\_rosii\\_borisa\\_elcina\\_federalnomu\\_sobraniju\\_rf\\_rossija\\_na\\_rubezhe\\_jepokh\\_1999\\_god.html](http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_jepokh_1999_god.html)).

**29** Путин В. В. *Россия на рубеже тысячелетий* // Независимая газета. 1999. 20 декабря ([www.ng.ru/politics/1999-12-30/4\\_millennium.html](http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html)).

**30** Ельцин Б. Н. *Послание Президента Федеральному Собранию «Россия на рубеже эпох» 30 марта 1999 года*.

**31** LAVROV S. *Russia and the World in the 21st Century* (<http://eng.globalaffairs.ru/number/Russia-in-the-21st-Century-World-of-Power-15809>).

**32** См. Концепцию внешней политики Российской Федерации 2008 года (<http://kremlin.ru/acts/news/785>).

**33** См.: Путин В. В. *Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118>); *Заседание международного дискуссионного форума «Валдай» 19 сентября 2013 года* (<http://kremlin.ru/events/president/news/19243>).

ности, уникальности свидетельствуют о дискурсивной сингуляризации – обособлении и противопоставлении России другим обществам западноевропейской цивилизационной сферы.

Концепция особого цивилизационного статуса России и ее равнозначности другим существующим цивилизационным комплексам предполагает и особый российский путь в модернность. В рамках этого партикуляристского подхода возникли идеи, которые в последующем повлекли оригинальные интерпретации западного проекта либеральной демократии. Первый президентский срок Путина обозначился усилением партикуляристско-адаптационной позиции при сохранении в целом либерального дискурса: Россия нуждается в поиске собственного пути обновления, который заключается в сочетании универсальных принципов рыночной экономики и демократии с российской действительностью, но не в копировании опыта других стран или переносе абстрактных моделей и схем на российскую почву. И хотя утверждалось, что «Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией», которой свойственны «выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии»<sup>34</sup>, партикуляристская риторика сохранилась и в последующие годы.

«Для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии. При этом хочу сказать и даже подчеркнуть: мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире. Однако российская демократия – это власть именно российского народа с его собственными традициями народного самоуправления, а вовсе не реализация стандартов, навязанных нам извне»<sup>35</sup>.

В рамках ревизионистского тренда в политическом дискурсе были определены фундаментальные ценности, связанные с долговременными традициями российской политической культуры, образами и восприятием власти, которые предполагают национальные интерпретации и своеобразие демократии и либеральных практик в России. Эти ценности – наряду с идеей цивилизационного разнообразия и особого цивилизационного статуса России – оформились в представление о российской идее, которая «родится как сплав, как органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем»<sup>36</sup>. Таким образом, был выдвинут и обоснован тезис об

**ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА**

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ

**34** Он же. *Послание Президента Федеральному Собранию 25 апреля 2005 года* ([www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_53088](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088)).

**35** Он же. *Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года*.

**36** Он же. *Россия на рубеже тысячелетий*.



ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ

особой российской версии демократии, согласно которому она должна основываться на российских традициях.

Обозначенные в 1999 году «традиционные консолидирующие ценности» стали программными для политического дискурса и институциональных реформ последующих лет: патриотизм, державность, социальная солидарность со склонностью к коллективным формам жизни, которые доминируют над индивидуализмом, государственничество с укорененными патерналистскими ориентациями. Эти ценности обозначили этатистскую ориентацию в идеологии и институциональной архитектуре постсоветской России, что хронологически совпало с возвращением в обществе советских проавторитарных установок и предпочтений сильного лидера, сильного патерналистского государства, стабильности как реакции на политический и социально-экономический кризисы 1990-х<sup>37</sup>.

## Концепция особого цивилизационного статуса России и ее равнозначности другим существующим цивилизационным комплексам предполагает и особый российский путь в модернность.

«Сильное государство» является одним из ключевых понятий политического дискурса власти этого периода, с конца 1990-х оно становится центральной идеей проекта социально-политического устройства России. Представление о сильном государстве возникло в официальных выступлениях представителей власти еще в первой половине 1990-х как обозначение функциональной необходимости усиления государственных институтов для поддержания инициированных масштабных реформ, обеспечения прав и свобод граждан и оптимизации практик управления в условиях экономического упадка, сепаратизма, политического кризиса и так далее. «Сильное государство – основа продолжения реформы, преодоления кризиса, налаживания структурной перестройки экономики, создания условий для ее стабилизации и подъема»<sup>38</sup>. Однако уже тогда были опасения, что «государственная религия в виде спиритуалистического “государственничества” вновь активно насаждается в нашей стране»<sup>39</sup>.

С конца 1990-х восстановление «направляющей и регулирующей роли государства» позиционируется не только как

**37** ALEXANDER J. *Political Culture in Post-Communist Russia: Formlessness and Recreation in a Traumatic Transition*. New York: St. Martin's Press, 2000.

**38** Ельцин Б.Н. *Послание Президента Федеральному Собранию 24 февраля 1994 года*.

**39** Гайдар Е.Т. *Власть и собственность: смуты и институты. Государство и эволюция*. СПб.: Норма, 2009. С. 318.

общественный запрос – сильное государство ассоциируется с этатизмом, представляя своеобразие и исторический опыт отношений государства и граждан, – центральная роль государства и государственных институтов представлялась ключевым отличием России от развитых западных стран:

«Государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа. Крепкое государство для россиянина не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен»<sup>40</sup>.

Сильное государство рассматривалось как фактор «формирования целостной системы государственного регулирования экономики и социальной сферы»<sup>41</sup> и условие сохранения демократического порядка, поскольку многие демократические институты созданы «по указанию “сверху”»<sup>42</sup>. Подобное видение государства и его роли в демократическом реформировании постсоветской России отражает континуальность парадигмы социетальных трансформаций, инициированных сверху, историческими примерами которой являются дореволюционная вестернизация, большевистская «революция сверху» и проект перестройки Михаила Горбачева.

Эти идеи легли в основу альтернативной интерпретации демократии как элемента программы постсоветской модерности, которая артикулировалась в контексте усиливающейся критики Запада за политику однополярного мира, монополизацию стандартов демократической модели, распространение и навязывание конкретной формы демократии – «Россию,.. постоянно учат демократии»<sup>43</sup>. Оспаривание релевантности западного демократического проекта для российского общества становится все более выраженным со второй половины 2000-х, когда в официальном политическом дискурсе актуализируется тема суверенитета и независимости внутренней политики России.

Концепция «суверенной демократии», представленная Владиславом Сурковым, стала интеллектуальной кульминацией развития тезиса власти о независимом самобытном характере российской демократии, источником которого является уникальный культурно-исторический опыт России. Концепция «суверенной демократии» и само понятие связаны с изобретением

**ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА**

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ

**40** Путин В.В. *Россия на рубеже тысячелетий*; Он же. *Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года*.

**41** Он же. *Россия на рубеже тысячелетий*.

**42** Медведев Д.А. *Послание Президента Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/1968>).

**43** Путин В.В. *Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>).



оригинальной версии политического языка, нового дискурса и политической философии, идеологической установки, которые транслируют российские интерпретации политической модерности и способны конкурировать с транснациональными дискурсивными парадигмами в целях сохранения суверенитета.

«У нас должна быть своя версия политического языка. Кто не говорит, тот слушает, а кто слушает, тот слушается. Если мы самостоятельный народ, мы должны участвовать в разговоре. Если мы в России не создадим свой дискурс, свою публичную философию, свою приемлемую для большинства наших граждан (хотя бы для большинства, а желательно – для всех) национальную идеологию, то с нами просто не будут говорить и считаться»<sup>44</sup>.

Новая идеологическая конструкция была призвана заявить о независимом национальном характере российской демократии, отрицая релевантность других демократических моделей:

«Россия приведена к демократии не “поражением в холодной войне”, но самой европейской сущностью ее культуры»<sup>45</sup>.

«Новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации [...] из весьма специфической российской ее версии»<sup>46</sup>.

Утверждалось, что российская демократия возникла естественным путем вследствие европейской цивилизационной идентичности России, однако при этом имеет принципиальные отличия и не может быть объектом критики и сравнения с западной демократической моделью; подчеркивается ее оригинальный, аутентичный и суверенный характер.

Несмотря на признание России частью европейской цивилизации, данная концепция апеллирует к культурному/цивилизационному своеобразию России. Она исходит из детерминистско-редукционистского положения о том, что траектории развития России обусловлены «генетическим кодом национальной культуры», а национальная версия демократии – «фундаментальными категориями и матричными структурами» истории, национального самосознания, культуры<sup>47</sup>. В основе российской «суверенной демократии» лежат такие принципы «культурной матрицы», как «восприятие целого», «собрание, а не разделение», преобладание «синтеза над анализом», «общего над частным». Эта холистическая ориентация, противопоставленная западному редукционизму, определяет реальность политической практики: «политическая целост-

**44** Сурков В. Ю. *Тексты 97 – 07. Статьи и выступления*. М.: Европа, 2008. С. 72.

**45** Он же. *Национализация будущего // Эксперт*. 2006. № 43 ([http://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya\\_buduschego](http://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego)).

**46** Он же. *Тексты 97 – 07...* С. 9.

**47** Там же. С. 9–28.

ность через централизацию властных функций», «идеализация целей политической борьбы», «персонификация политических институтов».

В представленной концепции заявлен ключевой принцип современного политического устройства России – сильная централизованная, персонифицированная и организованная вокруг авторитетного лидера власть. «Наличие могущественного властного центра и сегодня понимается большинством как гарантия сохранения целостности – и территориальной, и духовной, и всякой»<sup>48</sup>. Власть, воплощаемая фигурой президента, вновь признается главным инициатором, реализатором и гарантом модернизационных реформ. Риторический посыл концепции заключается не в противопоставлении российских авторитарно-автократических и элитарных ориентаций западной либеральной демократии, а в констатации их исторической неизбежности и необратимости их влияния на облик реформируемых институтов, составляющих в совокупности основу суверенности российского политического устройства и государственности. Именно эти установки и образы власти, согласно данной концепции, направляют политический процесс и практики в современной России, а их реализация раскрывает цивилизационную специфику России и ее исторического опыта.

Особое место в дискурсе современной политической элиты о власти и ее онтологическом значении в России занимает формула «есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России»<sup>49</sup>. В данном утверждении президент признается не только условием самого существования России в текущий исторический период, но и воплощением власти, государства и нации. Поправки в Конституцию 2020 года ввели «принцип единой системы публичной власти», еще более усилили позицию президента и реинституционализировали представление о том, что Россия «должна оставаться сильной президентской республикой», поскольку «с ее огромной территорией, сложным национально-территориальным устройством, многообразием культурно-исторических традиций не может нормально развиваться, [...] просто существовать стабильно в форме парламентской республики»<sup>50</sup>.

Представители политического истеблишмента используют официальные дискурсивные формулы демократической самопрезентации власти, ритуально высказываясь о необходимос-

**ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА**

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ

**48** Там же. С. 10.

**49** Выражение принадлежит Вячеславу Володину, прозвучало 22 октября 2014 года на заседании международного дискуссионного форума «Валдай».

**50** Путин В. В. *Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года* ([www.kremlin.ru/events/president/news/62582](http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582)).



ти развития демократии, открытого гражданского общества, утверждении принципа верховенства закона, уважения и поддержки прав человека. Утверждается, что на исторической развилке Россия выбрала демократию<sup>51</sup>, но «ищет свои пути по укреплению... демократических основ»<sup>52</sup> и что самоизоляция – это путь, по которому «мы сами никогда не пойдём»<sup>53</sup>. Однако универсальность западной демократической модели и ее релевантность для современной России оспариваются: «настоящая демократия не создается одномоментно, не копируется по внешнему образцу»<sup>54</sup>. Релятивизм и обращение к культурно-цивилизационным и традиционным основаниям создают возможность семантической подмены и признания демократией субстанционально иного политического порядка.

## ПАРТИКУЛЯРИСТСКИЙ ДИСКУРС И ПОСТСОВЕТСКАЯ МОДЕРНОСТЬ

Политический дискурс начала 1990-х и в целом период президентства Ельцина характеризуются доминированием универсалистского дискурса и противопоставлением демократизации угрозе коммунистического реванша (хотя сам период не лишен противоречий и контрлиберальных тенденций). Авторы и участники постсоветских либеральных реформ рассматривали западные идеи и институциональные модели как универсальную программу модернизации, которая соответствует европейской цивилизационной идентичности России и должна способствовать развитию, открытости и эмансипации России от ее тоталитарного имперского прошлого. Путинский период ассоциирован с партикуляристским дискурсом, пересмотром релевантности западного проекта либеральной демократии и национализацией модернизации на основании представлений о российской самобытности. Универсалистский и партикуляристский дискурсы полностью не исключают друг друга и могут сосуществовать, однако в современных российских условиях усиление и институционализация партикуляристской позиции связаны с маргинализацией либерального дискурса и либеральной повестки реформ. Для посткоммунистических обществ, особенно авторитарных, характерны идеологические дискурсивные конструкции, которые признают универсальность либеральной демократии, но их институционализация и

**51** Ельцин Б.Н. *Послание Президента Федеральному Собранию 24 февраля 1994 года.*

**52** *Заседание международного дискуссионного форума «Валдай» 19 сентября 2013 года.*

**53** Путин В.В. *Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173>).

**54** Он же. *Демократия и качество государства* // Коммерсант. 2012. 6 февраля ([www.kommersant.ru/doc/1866753](http://www.kommersant.ru/doc/1866753)).



практическая реализация определяются традициями, культурно-историческими практиками и прочим. Важным отличием постсоветской модерности является отсутствие доминирующей и тотальной идеологии, поэтому новые идеи и интерпретации могут артикулироваться и комбинироваться властью *ad hoc* в зависимости от контекста и текущей конъюнктуры.

Для посткоммунистических стран характерна критика западного либерального проекта, которая связывается с потерей независимости, суверенитета и иностранным вмешательством<sup>55</sup>. В российском политическом дискурсе на фоне усиления антизападных конспирологических представлений происходит демонизация и дискредитация либеральной идеи, формирование устойчивой ассоциации либерализма с социально-экономическим кризисом «лихих 1990-х», создание образа либерала как внутреннего врага и представителя «пятой колонны». В этом же контексте происходит правовая стигматизация негосударственных правозащитных организаций как иностранных агентов. В политическом дискурсе сохранение и укрепление суверенитета рассматривается как противостояние внутренним угрозам («некоторые государственные властные функции были узурпированы фактически олигархическими кланами»<sup>56</sup>, сепаратизм) и внешним попыткам дестабилизации, вмешательства во внутреннюю политику, навязывания моделей демократии, угрожающих независимости России. Именно сильное государство и суверенитет связываются с демократизацией и установлением порядка: после «анархии» и «олигархии» 1990-х удалось «реанимировать государство», «восстановить народный суверенитет – основу подлинной демократии»<sup>57</sup>.

Персонафикация власти, ее явно авторитарный характер и признание фигуры президента репрезентацией России и условием ее существования («есть Путин – есть Россия») противоречат фундаментальной ориентации демократии на развоплощение, дезинкорпорацию власти, которая возникла вследствие исчезновения с исторической арены сакрализованной фигуры правителя как репрезентации общества и правосудия. Новация в социальном позиционировании, «особое место власти», есть свидетельство «мутации символического порядка», с которым связано рождение современной демократии. Характеристикой демократических режимов является «пустое место» власти, поскольку правителям запрещено «присваивать себе власть, сливаться с ней»<sup>58</sup>.

**55** См. случай Румынии, Венгрии: ВЛОККЕР Р. *Modernity and Its Varieties...*; БАЛИНТ М. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

**56** Путин В. В. *Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года*.

**57** Он же. *Демократия и качество государства*.

**58** ЛЕФОР К. *Указ. соч.* С. 26.



Институциональная политика, обусловленная принципами этатизма, централизации и персонифицированной власти, подразумевает слияние сфер политики, права, экономики и культуры, которые, напротив, обретают автономию и независимые принципы функционирования в демократических обществах. Современные демократии отличаются тем, что в них не допускается «слияние между сферами власти, закона и знания». Напротив, в деспотиях «знание конечных целей общества, норм, которые управляют социальной практикой, становится собственностью власти, между тем как последняя оказывается сама органом дискурса, который выражает реальность как таковую; власть, воплощенная в группе, а на самом высоком уровне – в человеке, объединяется с равно воплощенным знанием, так что отныне никто не может ее сломить»<sup>59</sup>. Персонифицированная централизованная власть концентрирует ресурсы и монополизирует функции управления этими сферами, а также присваивает право на знание и понимание их потребностей и направление развития, нередко игнорируя общественное мнение, имитируя практики и институты общественного обсуждения и участия.

**Институциональная политика, обусловленная принципами этатизма, централизации и персонифицированной власти, подразумевает слияние сфер политики, права, экономики и культуры, которые, напротив, обретают автономию и независимые принципы функционирования в демократических обществах.**

Для постсоветской модерности характерна не формальная, инструментальная, а субстантивная рациональность и легитимация организации политического порядка, связанные с государственно-коллективными установками и приоритетом суверенитета. Сильное государство и государственничество обозначают этатистскую ориентацию политической программы постсоветской модерности в России. Заявления о необходимости идеологии, «в центре которой – человек как личность и как гражданин», и создания децентрализованного гуманизированного «социального устройства и политической системы»<sup>60</sup>, остались декларативными и нереализованными, как и ранняя ельцинская либеральная концепция демократического

<sup>59</sup> Там же. С. 20–21.

<sup>60</sup> МЕДВЕДЕВ Д.А. *Послание Президента Федеральному Собранию. 15 ноября 2008 года* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/198250>).

общества. Отношения между обществом и властью основаны не на гражданском контракте и правовых принципах, а на цивилизационно-традиционных основаниях, которые признают государство субстантивной ценностью, от силы, стабильности и патернализма которого зависят позитивные права граждан. Обратной стороной этого является тотализация государства, общество отчуждено от реализации политической воли, потенциала автономии и самоустановления, признается только коллективная автономия, опосредованная и реализуемая сильным государством, суверенитет народа как конституционного источника власти переносится на государство (правительство, политический клан, президента). Государство монополизирует представление об общественном благе и формы его достижения, подчиняет альтернативные центры власти – законодательную ветвь, суды, СМИ, региональные правительства, структуры гражданского общества. Представительные институты не отражают основные политические позиции и интересы в обществе – на политическую арену допускаются только лояльные политические акторы, ретранслирующие позицию власти, конфликты, противоречия, взгляды нивелируются. Создается видимость сплоченности общества вокруг центра власти и общего консенсуса, которому угрожает враждебный «Другой», что симптоматично для тоталитаристских проектов гомогенного общества, лишённого внутренней сложности, дифференциации, противоречий и различий, автономной динамики. Подобная организация политической сферы демонстрирует влияние советского наследия и диссонирует с плюралистическими установками политической программы западного модерна – децентрализацией и дезинкорпорацией власти, открытостью и доступностью политической арены, размыванием границ между центром и периферией, автономией<sup>61</sup>.

Неоконсервативный поворот в политическом дискурсе, отразившийся в конституционных поправках и государственной социальной политике, «позиция по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа», и антизападная риторика отражают неприятие и закрытость социокультурному плюрализму и радикализируют противопоставление Западу и странам, где «пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур»<sup>62</sup>. Согласно Полу Блоккеру, «двойное возвращение национализма и религии» в некоторых посткоммунистических обществах Восточной Европы является «фор-

**ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА**

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ

**61** EISENSTADT S.N. *Multiple Modernities*.

**62** Путин В.В. *Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года* (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/19825>).



мой критики и ответа на господствующие нарративы либерализма и европоцентризма, жалобой на недостаток локальной автономии, фрагментацию обществ, ослабление традиций и социального единства»<sup>63</sup>. Консервативные ориентации и сближение государства с РПЦ свидетельствуют о реставрации комплекса «государство – церковь – общество», характерного для дореволюционного времени и имитированного в советский период<sup>64</sup>. Государственный патриотизм, темы исторического и культурного величия, акцентирование прошлых достижений, защиты культурной самобытности и независимости выполняют консолидирующую функцию в обществе.

Имперское воображаемое остается важным элементом российской постсоветской модерности. В середине 1990-х «восстановление естественных границ» связывалось с отклонением от правового понимания государства<sup>65</sup>. Драматизация крушения СССР как «крупнейшей геополитической катастрофы века»<sup>66</sup> дала начало переоценке распада советской системы, а восстановление на постсоветском пространстве и международной арене утраченного советского влияния хронологически совпало с критикой однополярной системы, вниманием к темам суверенитета, сильного государства и в итоге идейно подготовило политику «собирания земель». Содержательно с этим связана апологетика советского периода, государственно-патриотическая политика в сфере исторической памяти и конструирование официальных исторических нарративов. Политические концепты «разделенный народ», «государство-цивилизация» и «русский мир» содержат имперские коннотации: политические конвенциональные границы государства не соразмерны культурно-цивилизационным, поэтому влияние России распространяется на все пространство воображаемого «русского мира». В постсоветский период не произошло критического осмысления и дискурсивного разрыва с советским прошлым, образы которого (победа в Великой Отечественной войне, космическая программа и так далее) используются современной властью как основания солидаризации и коллективной идентичности. Для партикуляристской идеологической рамки постсоветской модерности путинского периода имперский советский проект и авторитарные модели являются в большей степени референтными версиями модерности.

Принятие конституционных поправок в 2020 году является важным этапом в кристаллизации паттерна постсоветской

**63** BLOKKER P. *Confrontations with Modernity: Openness and Closure in the Other Europe* // Eurozine Online. 2010 ([www.eurozine.com/confrontations-with-modernity/](http://www.eurozine.com/confrontations-with-modernity/)).

**64** NIELSEN D.A. *Sects, Churches and Economic Transformations in Russia and Western Europe* // International Journal of Politics, Culture and Society. 1989. Vol. 2. № 4. P. 493–522.

**65** ГАЙДАР Е.Т. *Указ. соч.* С. 318–319.

**66** ПУТИН В.В. *Послание Президента Федеральному Собранию 25 апреля 2005 года.*

модерности в России, для которого характерны авторитаризм<sup>67</sup>, партикуляристские консервативно-националистические ориентации, имитация форм либеральной демократии, коррумпированный государственный капитализм. Принципиальные черты этого режима описывает концепция «мафиозного государства»<sup>68</sup>: монополизация власти авторитарическим лидером, реставрация власти-собственности и установление патрон-клиентских отношений, частные интересы заменяют интересы общества, а государственная политика определяется логикой расширения политической власти и обогащения близкого окружения, для чего используются легальные государственные инструменты и институты, монополия на насилие, а «общество становится внутренней колонией государства»<sup>69</sup>. Подобный режим формируется в историческом контексте распада коммунистической системы (диктатуры, монополии государственной собственности, позднесоветского «номенклатурного капитализма»<sup>70</sup>) с последующей прозападной либерализацией и партикуляристской критической реакцией на западный либеральный проект. В российском варианте посткоммунистической модерности переплетаются элементы разных версий современного общества. Актуализированные в политической программе элементы традиции и советского проекта (этатизм, централизация, тоталитаристская ориентация и прочее) способствовали реинтерпретации и модификации западных либеральных моделей и реставрации авторитарной архитектуры режима, в котором мафиозная культура неразрывна с государственной политикой. Авторитарные метаморфозы посткоммунистических младодемократий, а также диффузия авторитаризма<sup>71</sup> и кооперация между авторитарными режимами свидетельствуют о нереалистичности сценария конвергенции и устойчивости версий нелиберальной модерности как альтернативы западному либеральному проекту.

ЮЛИЯ ПРОЗОРОВА

РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОГО  
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА  
И ОПЫТ ПОСТСОВЕТСКОЙ  
МОДЕРНОСТИ В РОССИИ

**67** Ворожейкина Т.Е. *Авторитарный режим и общество в России* // Неприкосновенный запас. 2018. № 5(121). С. 89–112.

**68** Подробнее о концепции «мафиозного государства» см.: Балинт М. *Указ. соч.*; О «мафиозном государстве» еще в 1994 году писал Егор Гайдар: «Союз мафии и коррупции при самом становлении капитализма может дать такой ужасный гибрид, аналогов которому в русской истории, пожалуй, не было. Это было бы действительно нечто вполне апокалиптическое: всемогущее мафиозное государство, подлинный спрут. [...] вполне очевидно, какое государство можно выстроить, руководствуясь в реальности (не на словах, разумеется) государственным идеалом, – коррумпировано-криминальное, полуколониальное» (Гайдар Е.Т. *Указ. соч.* С. 323).

**69** Там же. С. 323.

**70** Там же. С. 286–292.

**71** В 2014 году премьер-министр Венгрии Виктор Орбан провозгласил новую политическую программу «нелиберальной демократии» и «нелиберального государства», «венгерскую версию “путинизма”», обозначив авторитарный российский режим как референтную политическую модель (наряду с Китаем, Турцией и Сингапуром). См.: Балинт М. *Указ. соч.* С. 57; Buzogány A. *Illiberal Democracy in Hungary: Authoritarian Diffusion or Domestic Causation* // Democratization. 2017. Vol. 24. № 7. P. 1307–1325.

